D377
.S85

Rossiĭa i slavĭanstvo.

A. N. Stieglitz

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

D377
.S85

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00020904247

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/rossiaislavianst00shti

РОССІЯ

и

СЛАВЯНСТВО.

Магистра междн. пр. А. Н. Штиглица.

344/168

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1907.

При „Русскомъ Собраніи“, подъ предсѣдательствомъ магистра международнаго права Александра Николаевича Штиглица, образовалось ***„Особое Совѣщаніе по славянскимъ вопросамъ“***, поставившее себѣ цѣлью изученіе славянской жизни въ ея настоящемъ и прошломъ и возможно широкое взаимообщеніе между собой русскихъ и славянъ.

Для достиженія указанныхъ задачъ „Совѣщаніе“ предполагаетъ устраивать соотвѣтствующіе его назначенію доклады и публичныя чтенія, популяризировать свѣдѣнія по возможности о всѣхъ проявленіяхъ жизни славянства, устраивать поѣздки въ славянскія земли, содѣйствовать ознакомленію славянъ съ русской культурной жизнью и вообще стремиться къ возможно тѣсному сближенію между собою всѣхъ славянъ.

Въ первомъ собраніи, состоявшемся 18 Декабря 1906 года, предсѣдатель „Совѣщанія“ А. Н. Штиглицъ прочелъ прилагаемую при семъ рѣчь:

РОССІЯ и СЛАВЯНСТВО.

MC D377 .S85

РОССІЯ

и

СЛАВЯНСТВО.

Магистра междн. пр. А. Н. Штиглица.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

Типо-литографія «Надежда», Морская, 65. Телеф. № 226-16.

Историческимъ связующимъ звеномъ между Россіей и славянствомъ былъ т. наз. восточный вопросъ Этотъ вопросъ явился внѣшнимъ проявленіемъ политическаго и нравственнаго міросозерцанія Россіи. Рѣшеніе даннаго вопроса доставило Россіи возможность доказать въ международной жизни свою любовь къ славянамъ, свое попеченіе о ихъ политической судьбѣ. Укажемъ на нѣкоторые фазисы этого вопроса. — Собственно говоря названіе „восточный вопросъ“ невѣрно. Дѣло въ томъ, что восточнымъ его можно назвать только потому, что дѣло идетъ о рѣшеніи политической судьбы балканскихъ народовъ и турецкой имперіи, т. е. странъ, лежащихъ въ Восточной Европѣ. Но тутъ названіе топографическое превозмогаетъ надъ названіемъ философскимъ, долженствующимъ выразить самую сущность предмета. Таковы были-бы названія: „вопросъ славянскій“, или-же „вопросъ европейскій“, т. е. общеевропейскій, въ отличіе отъ частныхъ вопросовъ, касающихся только нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ, а не всей Европы, какъ одного культурнаго типа.—Борьба съ дикостью, съ антигуманностью или безчеловѣчностью, съ порокомъ, съ умственнымъ и нравственнымъ мракомъ, съ животною, звѣроподобною жизнью, борьба за правду и справедливость, за жизнь разумную, за просвѣщеніе ума и сердца, за духовное и физическое развитіе человѣка— вотъ къ чему стремится этотъ яко бы восточный вопросъ.

Но это стремленіе,—развѣ оно не присуще всѣмъ европейскимъ народамъ, развѣ оно не объединяетъ братскими узами, узами духовнаго братства, народы славянскіе, романскіе и германскіе? Гдѣ же тутъ мѣсто

взаимной враждѣ, ненависти? Вѣдь вражда между культурными народами можетъ только послужить въ пользу варварства. Но къ несчастью не такъ понимали „восточный вопросъ“ неславянскіе народы Европы. Россія боролась за нихъ, за Европу, свергая татарское иго и сражаясь съ турками, она боролась за культуру, за европейскую цивилизацію, за свѣтъ духовный и умственный. А Европа осоюзилась съ ея врагами, она соединилась съ дикими вандалистическими полчищами ея враговъ, съ представителями магометанской косности, магометанскаго застоя, магометанской исключительности и жестокости ко всему не магометанскому.

Укажемъ на нѣкоторые историческіе факты.—1453 годъ ознаменованъ, какъ извѣстно, геройскимъ паденіемъ Царьграда. Паденіе это должно было, повидимому, сплотить во-едино разрозненныя силы христіанъ, соединить ихъ противъ общаго врага. Но произошло совсѣмъ не то. Оказалось, что европейскіе народы гораздо болѣе дорожатъ своею мошною, чѣмъ своею честью, интересами матеріальными, чѣмъ интересами духовными. Съ одной стороны Христосъ Спаситель, христіанская культура, христіанская цивилизація, съ другой—Магометъ, магометанская дикость, мамонъ, золотой телецъ.

Вотъ на эту послѣднюю сторону и стали западно—европейскія государства. Напрасно папы Николай V, Калликстъ III и Пій II призываютъ христіанскихъ государей къ новому крестовому походу.

Ихъ никто не слушаетъ, а венеціанская республика посылаетъ даже Барталомея Марчелло въ Константинополь, чтобы вести переговоры о заключеніи торговаго договора. Но Махмудъ—отвѣтилъ нападеніемъ на владѣнія республики. Заключеніе мира послѣдовало въ 1479 году. Республика потеряла значительную часть своихъ владѣній, но позоръ былъ покрытъ торговыми выгодами *).

Въ 1536 году между Французскимъ королемъ Франциском I и султаномъ Сулейманомъ былъ заключенъ

*) См. Юліанъ Клачко: «Les évolutions du problème oriental», въ Revue des Deux Mondes» отъ 15-го октября, 1878 г., стр. 723

союзный договоръ противъ Карла V. Съ тѣхъ поръ дружественныя отношенія Франціи къ Портѣ продолжались непрерывно вплоть до царствованія Людовика XVI.

Отношенія эти обусловливались не только политическими соображеніями. Французскія короли Генрихъ II, Францискъ II и Карлъ IX часто обращались къ Портѣ съ просьбами о субсидіяхъ и о займѣ.

Въ 1583 году въ Константинополь является первый англійскій посолъ-Гербонъ. Новый посолъ начинаетъ свою дѣятельность предложеніемъ султану союза отъ имени королевы Елизаветы именовавшей себя въ своихъ письмахъ къ Мураду: „verae fidei contra idolatros Propugnatrix.“

Въ 1587 году Гербонъ пишетъ въ своемъ меморандумѣ падишаху: „Если ты не замедлишь объявить войну (Испаніи) въ союзѣ съ моею государынею, то ни надменный испанецъ, ни обманщикъ папа, не избѣгнутъ наказанія, заслуженнаго ихъ дерзостью, ибо Богъ, покровительствующій только своимъ, не упустить случая наказать этихъ язычниковъ настолько строго, съ тою цѣлью чтобы оставшіеся изъ нихъ въ живыхъ были обращены на путь истины ихъ примѣромъ и преклонились, вмѣстѣ съ ними передъ истиннымъ Богомъ“. Великій визирь ознакомившись съ содержаніемъ этого меморандума, замѣтилъ, что англичанамъ остается только поднять руку и произнести „эхедъ“ (клятву по корану), чтобы сдѣлаться истинными магометанами *). Меркантильный, торгашескій духъ Западной Европы усилилъ презрѣніе турокъ къ христіанамъ. Положеніе западно-европейскихъ дипломатическихъ представителей при Портѣ было крайне унизительно. Униженія начинались при первой торжественной аудіенціи. Прежде всего посла обыскивали, чтобы убѣдиться въ томъ, что у него нѣтъ оружія. Затѣмъ его вели, или, вѣрнѣе, тащили подъ руки и приведя къ трону султана, заставляли становиться на колѣна, а въ особенно торжествен-

*) Тамъ-же, стр. 731.

ныхъ случаяхъ онъ долженъ былъ даже падать ницъ и цѣловать полъ.

Послѣ аудіенціи посолъ нерѣдко долженъ былъ терпѣть оскорбленія отъ собравшейся толпы, причемъ объ удовлетвореніи не могло быть и рѣчи. „При выходѣ изъ Порты,—пишетъ въ 1534 году посолъ императора, Дуплицій Шепперъ,—мы были стиснуты толпой янычаръ и встрѣчены дикими и хриплыми возгласами и угрозами. Кричали: „Spagna! Spagna!“ дѣлали тѣлодвиженія, выражавшія смерть, подражая собачьему вою, а чауши (почетная стража), насъ сопровождавшіе, ничего не предпринимали, чтобы прекратить эту варварскую дерзость...“ *).

Не менѣе унизительны были переговоры съ великимъ визиремъ. Послы должны были ждать по нѣсколько часовъ въ визирской передней.

Затѣмъ визирь никогда не вставалъ при входѣ пословъ и по окончаніи аудіенціи. Въ своихъ разговорахъ съ послами визирь не стѣснялся въ выраженіяхъ. Такъ-же поступали и другіе министры.

Вышеупомянутый Гербонъ получилъ разъ отъ капудана-паши (морскаго министра) оффиціальную бумагу, въ которой турецкій министръ угрожалъ англійскому дипломату палочнымъ угощеніемъ (mille bastonate) **). Австрійскаго интернунція великій визирь грозился повѣсить или „выдрать плетьми какъ осла“.—Великій визирь Кипризли (въ концѣ XVII столѣтія) перехватилъ депеши французскаго посла La Haye къ своему двору и, сверхъ того еще хотѣлъ заставить молодаго La Haye и старшаго секретаря посольства выдать ему шифръ. Получивъ отказъ, Кипризли заключилъ ихъ въ адріанопольскую тюрьму, причемъ слуги великаго визиря избили сына французскаго посла и выбили ему нѣсколько зубовъ. Людовикъ XIV никакого удовлетворенія не потребовалъ, и даже черезъ нѣсколько лѣтъ испросилъ позволенія прислать въ Константинополь того-же молодаго La Haye на мѣсто умершаго отца его, —

*) Тамъ-же, стр. 740.
**) Тамъ-же, стр. 741.

прося, чобы съ новымъ посломъ обошлись сообразно съ обычаемъ. Просьба французскаго короля была исполнена вполнѣ. На назначеніе La Haye послѣдовало согласіе Порты и, затѣмъ, на первой — же аудіенціи у великаго визиря съ представителемъ короля — солнца поступили вполнѣ согласно съ турецкимъ обычаемъ. Послѣ бурной сцены, La Haye былъ битъ по лицу чаушемъ и затѣмъ, по требованію Кипризли, отозванъ. *). Совершенно инымъ характеромъ отличаются сношенія Россіи съ Портою. Сношенія эти начались во второй половинѣ XV вѣка. Въ 1445 году дьякъ Федоръ Курицынъ, на обратномъ пути изъ волошской земли, куда посланъ былъ съ посольствомъ къ воеводѣ Стефану, задержанъ былъ турками въ Бѣлгородѣ (Бѣлградъ бессарабскій, нынѣшній Аккерманъ). „И къ тому человѣку Феодору," пишетъ великій князь московскій Іоаннъ III своему союзнику, крымскому хану Менгли-Гирею (посольство Семена Борисова въ 1486 г.),—говорили паши большіе, со словъ турецкаго султана, что султанъ хочетъ со мною дружбы. Узнай-же для меня, какой дружбы со мною хочетъ турецкій султанъ и дай знать мнѣ о томъ съ моимъ бояриномъ Симеономъ."— На этотъ запросъ Іоанна III послѣдовалъ отвѣтъ, привезенный гонцемъ отъ князя Димитрія Шеина, посланнаго въ Крымъ въ 1488 году. Менгли-Гирей отвѣчалъ: турецкаго султана слово таково: „если великій князь тебѣ, Менгли-Гирею, другъ да братъ, то и я также хочу быть съ нимъ въ дружбѣ и братствѣ." Я-же совѣтую брату моему, великому князю, чтобы онъ послалъ своихъ пословъ къ турецкому султану." **) Далѣе, Менгли-Гирей передаетъ Іоанну III, что султанъ поручилъ ему узнать, по какому случаю русскіе купцы не ѣздятъ больше въ Кафу и Азовъ.—Въ отвѣтъ на эти сообщенія, Іоаннъ III, въ 1492 году, послалъ въ Крымъ, съ посломъ Константиномъ Заболоцкимъ, двѣ грамоты, одну Мен-

*) Такъ-же, стр. 742.

**) См. „Начало сношеній Россіи съ Турціею." А. Неклюдова въ „Сборникѣ Московскаго Главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ," вып. 3-й. Москва 1883, стр. 11.

гли-Гирею, другую султану Баязету. Въ первой Іоаннъ III, жалуясь на притѣсненія, чинимыя русскимъ купцамъ въ Кафѣ, добавляетъ: „и мы, поэтому, этою весною купцовъ нашихъ въ Кафу и Азовъ не отпустили. Гдѣ нашимъ купцамъ чинятся обиды и притѣсненія, туда мы ихъ не отпускаемъ. До сихъ поръ между нами и турецкимъ султаномъ послы не ѣздили, нынѣ-же мы писали о торговыхъ дѣлахъ Баязету, спрашивая, вѣдомы-ли ему помянутыя притѣсненія, или нѣтъ.....“

Въ грамотѣ къ Баязету, Іоаннъ III говоритъ о тѣхъ-же притѣсненіяхъ, чинимыхъ русскимъ купцамъ.—Въ 1493 году Баязетъ II отправляетъ посольство къ великому князю Московскому. Посольство это было остановлено въ Кіевѣ по распоряженію великаго князя литовскаго Александра *). Въ отвѣтъ на это неудачное турецкое посольство, Іоаннъ III отправилъ къ Баязету II и сыну его—кафинскому султану Шихзадѣ, посольство, во главѣ котораго поставленъ былъ стольникъ Михаилъ Андреевичъ Плещеевъ. Въ наказѣ, данномъ Плещееву при его выѣздѣ изъ Москвы, сказано:—„Первое: пришедши, поклонъ править стоя, а на колѣни не садиться.....“ Будутъ у турецкаго султана отъ иныхъ государей послы, и Михаилу ни подъ которымъ посломъ не садиться.“— Къ этому прибавлялось, что если султанъ не захочетъ самъ выслушать посла, а велитъ передать полномочія своимъ пашамъ, то Плещееву отнюдь этого не дѣлать, и, въ случаѣ крайности, передать пашамъ списокъ рѣчей, самимъ-же рѣчей имъ не говорить **).—Почетное, исключительное положеніе первыхъ посланцевъ русскаго царя продолжалось и при слѣдующихъ московскихъ посольствахъ. Правда, что московскіе послы должны были подчиняться нѣкоторымъ пунктамъ турецкаго церемоніала, но подчиненіе это никогда не доходило до унизительныхъ пріемовъ, на которые соглашался торгашескій Западъ, а постоянно сопровождалось горячими протестами. Московскіе послы должны были, между-прочимъ, участвовать на обѣдѣ у великаго

*) Тамъ же, стр. 13.
**) Тамъ-же, стр. 22.

визиря передъ аудіенціей у султана. Это противорѣчило русскому обычаю, по которому угощеніе посла должно было слѣдовать послѣ царскаго пріема. Въ 1682 году имѣлъ мѣсто пріемъ нашего посольства, во главѣ котораго стоялъ Возницынъ у великаго визиря. Пріемъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что, во время параднаго обѣда у великаго визиря, наши послы сохранили вполнѣ свое достоинство. Они не стали, какъ сдѣлали бы западные послы, ѣсть все, что-бы имъ ни подали, въ угоду туркамъ. Они не оставили за моремъ своихъ религіозныхъ убѣжденій и не пошли на сдѣлку со своею совѣстью, чтобы заручиться выгоднымъ торговымъ договоромъ. Когда бывали постные дни, наши послы прежде всего заботливо спрашивали визиря, не будетъ-ли въ яствахъ чего скоромнаго *). — Образъ дѣйствій нашихъ царей, сознаніе своего достоинства, вполнѣ соотвѣтствовали исторической миссіи Россіи освобожденію христіанъ отъ турецкаго ига. Если даже допустить, что у русскихъ правителей и ихъ сподвижниковъ не было полнаго сознанія этой миссіи, то всетаки нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что они инстинктивно ее чувствовали. Вѣдь чувствовали-же ее и западноевропейскіе дипломаты и сами турки. Въ 1576 году венеціанскій *баил* (bailo венеціанскій посолъ при Высокой Портѣ), Соранца, пишетъ въ своемъ донесеніи (relazione) сенату:—„Москвитяне внушаютъ опасенія султану по той,... причинѣ что великій князь принадлежитъ къ тому-же греческому исповѣданію, къ которому принадлежатъ и народы Болгаріи, Сербіи Босніи, Мореи и Греціи. Народы эти, по этой причинѣ, весьма преданы (devotissemi) его имени и будутъ всегда вполнѣ расположены (sempre prontissimi) взяться за оружіе и возстать, чтобы сбросить турецкое иго и подчиниться его власти.“ **) Но начало осуществленія своей миссіи, Россія должна была отложить вплоть до самаго царствованія Петра I. Внутреннія смуты, раздоры, козни враговъ, дѣйствія темныхъ силъ, опол-

*) См. „Историчекій очеркъ“ Забѣлина: „Посольскія путешествія въ Турцію въ XVII стол.“ въ „Русской Старинѣ“ 1877 г. сентябрь, стр. 21.

**) См. Юманъ Клачко, назв. трудъ въ Revue des Deux Mondes

чившихся на православную Русь,—таковы причины даннаго историческаго явленія. Въ 1711 году, когда султанъ объявилъ намъ войну, сербскій полковникъ Михайло Милорадовичъ, былъ отправленъ, чтобы возбудить черногорцевъ къ возстанію. Въ грамотѣ Петра I къ черногорцамъ говорилось:—„Извѣстно да будетъ вашимъ благороднымъ особамъ, всѣмъ народамъ, почитателямъ распятаго Христа Бога нашего, чрезъ Его-же всѣ надѣемся въ царствіе Его внити, добросердечно потрудившись за вѣру и церьковь. Понеже турки нечестивцы, видя Наше Царское Величество хрнстіанскому народу доброжелательныхъ и милостію Божіею въ воинскихъ поступкахъ преуспѣвательныхъ, и возъимѣвши подозрѣніе, будто мы намѣрены отбирать отъ нихъ неправедное завладѣніе и христіанамъ, подъ игомъ ихъ стоящимъ, воспомогать, осоюзились съ еретикомъ, королемъ шведскимъ, и Нашему Царскому Величеству безо всякой отъ насъ данной причины, войну объявили; того ради мы, видя ихъ такія неправды и призирая за гоненіе христіанъ, призвавъ Бога на помощь, принуждены собирать не токмо наши войска и силы, но и прочихъ потентантовъ, союзниковъ нашихъ, и сего года имѣемъ намѣреніе идти на нихъ войною, дабы не токмо противъ бусурмана отпоръ чинить, но и сильнымъ оружіемъ въ средину владѣнія вступить, и православныхъ христіанъ, аще Богъ допуститъ, отъ поганскаго ига освободить. Съ любезно-вѣрными и искусными нашими войсками самоперсонально выступаемъ противъ врага, ибо должно призрѣть страхъ и трудности за церковь и православную вѣру, и не только воевать, но и послѣднюю каплю крови пролить, что отъ насъ, по возможности, и учинено будетъ. Притомъ, понеже извѣстна Нашему Царскому Величеству храбрость древнихъ вашихъ владѣтелей, глубина добрыхъ вашихъ христіанскихъ сердецъ и искусство, которое, прежде всего, по должности своей, чрезъ храбрыя оружія, за вѣру, въ воинскихъ случаяхъ, вы оказывали, какъ мы удостовѣрились изъ книгъ, напечатанныхъ, и во всемъ свѣтѣ выхваляются искуства вашихъ народовъ.....

Въ нынѣшнее, отъ Бога посланное, время, пристойно

есть вамъ древнюю славу свою обновить, союзившись съ нашими силами и единодушно на непріятеля вооружившись, воевать за вѣру и отечество, за честь и славу вашу и за свободу и вольность наслѣдниковъ вашихъ. Если кто изъ васъ въ сей праведной войнѣ потрудится, то отъ Бога получитъ благовоздаяніе, а отъ Насъ милость и награжденіе, и всякій по заслугамъ и желанію вашему привиллегіями нашими пожалованъ будетъ, ибо Мы себѣ иной славы не желаемъ, токмо да возможемъ тамошніе христіанскіе народы отъ тиранства поганскаго освободить, православныя церкви тамъ украсить и животворящій крестъ возвысить. Итакъ, если будетъ всякій, по возможности, трудиться и за вѣру воевать, то имя Христово прославится наивящше, и поганина Магомета наслѣдники будутъ прогнаны въ старое ихъ отечество, пески и степи Арапскія“ *).

Въ 1745 году нашъ посланникъ въ Константинополѣ, Вишняковъ, пишетъ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ: „Отъ Вашего Императорскаго Величества зависитъ, безъ крайнихъ усилій, сіе злоехидное сонмище разорить и крестъ возстановить; кажется все къ тому промыселъ Божій предустроилъ и пріуготовилъ. Всѣ бѣдные православные христіане ждутъ избавленія отъ Вашего Императорскаго Величества. Стоитъ только, нынѣшнею осенью, явиться врасплохъ россійской арміи къ Дунаю съ запаснымъ оружіемъ, то она, въ короткое время, удесятерится. Молдавія, Валахія, Болгарія, Сербія, Славонія, Далмація, Черногорія, Албанія, вся Греція, острова и самъ Константинополь, въ одно время, возьмутъ крестъ и побѣгутъ на помощь Вашему Императорскому Величеству... Я пишу это не отъ себя, но по представленію начальниковъ всѣхъ сихъ бѣдныхъ христіанъ. Со слезами просятъ, что если-бы хотя малый лучъ надежды просіялъ, они бы уже все устроили, а къ нимъ-бы пристала и большая часть лучшихъ турокъ, потому что множество между ними христіанъ, называющихся тринитаріями т. е. исповѣд-

*) См. Исторію Россіи Соловьева, т. 16-й, изд. 3-е Москва 1882 г. стр. 79.

никами Св. Троицы... Всѣ они только по наружности магометане и скучаютъ смутною бездною сего правленія. Чернь была-бы изрублена, или покрестилась, ибо ея во всей Румеліи и пятой доли противъ христіанъ не будетъ“ *). Далѣе въ своемъ письмѣ къ канцлеру-Бестужеву—Рюмину Вишняковъ указывалъ на сильную привязанность турецкихъ христіанъ, особенно славянъ, къ Россіи. Онъ говорилъ, что „лучшія ихъ рѣчи въ бесѣдахъ о Россіи, самое пріятное чтеніе,—жизнь Петра Великаго, которую они имѣютъ на разныхъ своихъ нарѣчіяхъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, и даютъ богатыя награды тѣмъ, кто лучше напишетъ такую жизнь. Въ послѣднюю войну бились о большіе заклады, что русскіе побѣдятъ турокъ, и уже намѣревались пробираться къ русской арміи, еслибы она явилась на Дунаѣ. Не будучи въ состояніи скрывать своихъ чувствъ къ Россіи, они подвергались страшнымъ бѣдствіямъ и умирали съ именемъ Россіи на устахъ. Одинаковую привязанность показываютъ славяне къ Россіи какъ въ турецкихъ, такъ и венеціанскихъ областяхъ... Такая любовь ихъ къ намъ требуетъ взаимности. Россія должна подражать Испаніи и Франціи, которыя, изъ политическихъ побужденій, всюду такъ усердно помогаютъ своимъ единовѣрцамъ...“ **) „Въ 1768 году началась война Россіи съ Турціей. Въ то время графъ Алексѣй Орловъ находился въ Италіи, куда онъ поѣхалъ, вмѣстѣ съ братомъ Ѳеодоромъ, послѣ опасной болѣзни, для окончательнаго излѣченія. Но не смотря на свое болѣзненное состояніе, онъ обращается къ императрицѣ Екатеринѣ II съ представленіемъ не-соблаговолитъ-ли она „употребить его къ службѣ отечества вмѣстѣ съ православными греческими и славянскими народами“ а брату Григорію онъ пишетъ изъ Венеціи: —„Я здѣсь нашелъ много людей единовѣрныхъ которые желаютъ быть подъ командою нашею и служить въ теперешнемъ случаѣ противъ турокъ. Да извѣстія есть многія, что вся Гора Черная, также и около лежащія мѣста, кото-

*) См. Соловьева, назв. тр. т. 22-й, стр. 86.
**) Тамъ-же стр. 88.)

рыя принадлежать оттоманскому владѣнію, нашего закона, за оружіе принимаются, о чемъ я увѣдомляю, и если я что могу въ томъ случаѣ сдѣлать и это будетъ надобно. А, по моему мнѣнію, это другаго сдѣлать бы не могло, чтобы внутри зажечь столь сильный огонь и помѣшательства дѣлать какъ въ привозѣ провіанта, такъ и армію (т. е. турецкую) раздѣлить. И если ѣхать, такъ ужъ ѣхать до Константинополя, и освободить всѣхъ православныхъ и благочестивыхъ изъ—подъ ига тяжкаго, которое они терпятъ. И скажу такъ, какъ въ грамотѣ Государь Петръ Великій сказалъ: „А ихъ невѣрныхъ магометанъ согнать въ поле и степи пустыя и песчаныя на прежнія ихъ жилища...“ *).

Императрица Екатерина II отвѣчала графу Алексѣю Орлову: — „Мы сами уже, по предложенію брата вашего помышляли о учиненіи непріятелю чувствительной диверсіи со стороны Греціи какъ на твердой ея землѣ, такъ и на островахъ Архипелага, а теперь, получа отъ васъ ближайшія извѣстія о дѣйствительной тамошнихъ народовъ склонности къ возстанію противъ Порты, и паче еще утверждаемся въ семъ мнѣніи. А потому, будучи совершенно надежны въ вашей къ намъ вѣрности, въ способности вашей и въ горячемъ исканіи быть отечеству полезнымъ сыномъ и гражданиномъ, охотно соизволяемъ мы, по собственному вашему желанію, поручить и ввѣрить вамъ приготовленіе, распоряженіе и руководство всего сего подвига“.

Орлову поручено было распространить среди турецкихъ христіанъ слѣдующее воззваніе: — „Божьею милостью Мы, Екатерина II и проч. Объявляемъ всѣмъ греческимъ и славянскимъ народамъ православнаго исповѣданія, какъ на твердой землѣ, такъ и на островахъ Архипелага обитающимъ. Крайняго сожалѣнія достойно состояніе древностью и благочестіемъ знаменитыхъ сихъ народовъ, въ какомъ они нынѣ находятся подъ игомъ Порты Оттоманской. Свойственная туркамъ лютость и ненависть ихъ къ христіанству, закономъ магометанскимъ преданная, стремятся

*) Тамъ-же т. 28-й. стр. 38.

совокупно ввергать въ бездну злоключеній въ разсужденіи души и тѣла христіанъ, живущихъ не только въ подданствѣ и порабощеніи ихъ, но и въ сосѣдствѣ уже, ибо злочестіе агарянъ, не зная другаго себѣ обузданія кромѣ страха, не находило по сію пору никакого. Порта Оттоманская, по обыкновенной ей злобѣ къ православной церкви нашей, видя старанія, употребляемыя за вѣру и законъ нашъ, который мы тщились въ Польшѣ привести въ утвержденныя трактатами древнія его преимущества, кои по временамъ у него насильно похищены были, дыша мщеніемъ, презрѣвъ всѣ права народныя и самую истину, за то только одно, по свойственному ей вѣроломству, разруша заключенный съ Нашей Имперіей вѣчный миръ, начала несправедливѣйшую, и безъ всякой законной причины, противъ Насъ войну и тѣмъ убѣдила и насъ нынѣ употребить дарованное Намъ отъ Бога оружіе. И сіе есть то самое время, въ которое христіане, подъ игомъ ея стенящіе, еще больше почувствуютъ угнетеніе. Соображая горестное благочестивыхъ сихъ сыновъ церкви Божьей состояніе, пріемлемъ мы нынѣ во всемилостивѣйшее разсужденіе и желаемъ сколько возможно избавленію ихъ и отрадѣ споспѣшествовать. Остается только, чтобы, при производимыхъ нашими арміями военныхъ дѣйствіяхъ, и они сами содѣйствовать потщились. Увѣщеваемъ всѣхъ ихъ вообще, и каждаго особенно, полезными для нихъ обстоятельствами настоящей войны воспользоваться къ сверженію ига и къ проведенію себя, по прежнему, въ независимость, ополчась гдѣ и когда будетъ удобно противъ общаго всего христіанства врага и стараясь возможный вредъ ему причинить, и чрезъ то общему благому дѣлу воспособствовать и собственному своему жребію, котораго прочность и на предбудущія времена свято и ненарушимо утвердится при заключеніи съ Портою Оттоманскою мира... Наше удовольствіе будетъ величайшее видѣть христіанскія области изъ поноснаго порабощенія избавляемыя и народы руководствомъ Нашимъ вступающіе въ слѣды своихъ предковъ, къ чему Мы и впредь всѣ средства подавать не отречемся, дозволяя имъ Наши по-

кровительство и милость для сохраненія всѣхъ тѣхъ выгодностей, которыя они своимъ храбрымъ подвигомъ въ сей Нашей войнѣ съ вѣроломнымъ непріятелемъ одержатъ“ *). Начавшаяся съ Турціею война окончилась мирнымъ договоромъ, заключеннымъ около деревни Кучукъ—Кайнарджи, 10-го іюля, 1774 года. Въ артикулѣ 7-мъ этого договора сказано, что Блистательная Порта обѣщаетъ оказывать постоянное покровительство христіанской религіи и ея церквамъ.

Послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго договора отношенія Западной Европы къ Турціи измѣняютъ свой характеръ. До заключенія этого мирнаго договора, Западная Европа, какъ мы видѣли, изъ-за торговыхъ выгодъ дозволяла туркамъ бить въ лицо ея дипломатическихъ представителей и, вообще, заботилась только объ интересахъ брюха. Послѣ-же его заключенія она уже недовольствуется апатіею, индифферентизмомъ къ турецкимъ звѣрствамъ, къ турецкой дикости вообще,—она становится союзницею турокъ. Турки, видите-ли, благодѣтели человѣческаго рода, они поддерживаютъ европейское равновѣсіе, являясь оплотомъ противъ варварской Россіи. И кто-же первый проводитъ такую мысль? Одинъ изъ политическихъ дѣятелей того великаго, истинно-рыцарскаго народа, правители котораго, въ восточномъ вопросѣ, всегда являлись злѣйшими врагами своей родины. Просто не вѣрится, что французы, шедшіе во главѣ крестовыхъ походовъ, создавшіе вѣкъ Людовика XIV, провозгласившіе права человѣка и гражданина, рѣшились въ восточномъ вопросѣ играть столь печальную роль. Впрочемъ, не вина тутъ французскаго народа. Его правители не знали Россіи, они были ослѣплены антирусскими предубѣжденіями.—Первый выступилъ на руссофобскую восточно-политическую арену графъ Верженнъ (Vergennes). Онъ былъ около пятнадцати лѣтъ французскимъ посломъ въ Константинополѣ, при Людовикѣ XV, а въ царствованіе Людовика XVI сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1783 году (17-го іюля, н. с.) онъ пишетъ французскому послу въ

*) Такъ-же, стр. 41

Лондонѣ, Адемару:—„Развѣ англійское министерство ни вочто не ставитъ соображеній, вытекающихъ изъ положенія Крыма, изъ удобства, безопасности, величины его портовъ, наконецъ изъ возможности достигнуть въ двадцать четыре часа пролива, ведущаго къ Константинополю?“ *). Послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, Верженнъ предлагаетъ европейскимъ кабинетамъ воспретить Россіи держать въ Черномъ морѣ военный флотъ.—Но оффиціальные представители Франціи явились только иниціаторами западно-европейской туркофильской политики. Если - бы дѣло зависѣло только отъ Франціи, то политика эта заглохла-бы. Все вниманіе французовъ было поглощено вопросами чисто европейскими. Вопросу восточному тутъ уже не могло быть мѣста. Вскорѣ началась французская революція, а затѣмъ и войны революціонныя и наполеоновскія. Но тутъ выступаетъ новый врагъ Россіи, врагъ несравненно злѣйшій, гораздо болѣе опасный. Мы разумѣемъ Меттерниха. Французы смотрятъ на восточный вопросъ т. ск. съ европейской, а не съ чисто—французской точки зрѣнія. Они считали себя, какъ-бы, всеевропейскими рыцарями, призванными защищать Европу отъ яко-бы дикой Россіи. Прямо, непосредственно, жизненные интересы Франціи не считались затронутыми восточнымъ вопросомъ. Меттернихъ-же смотрѣлъ на восточный вопросъ, какъ на жизненный для Австріи вопросъ“ — пока существуютъ турки, думалъ Меттернихъ, Австрія можетъ быть болѣе или менѣе спокойна. Погибнутъ-же турки, — погибнемъ рано илипоздно и мы“. — Отсюда напряженіе всей умственной дѣятель ности его къ продленію существованія больнаго турка, — этой опоры ложно понятаго начала европейскаго равновѣсія, и, главное,—этого оплота Австріи.—Туркофильская дѣятельность Меттерниха проявилась и на Вѣнскомъ конгрессѣ и во время борьбы греческаго народа за независимость. Въ концѣ 1823 года нашъ царь, Александръ Павловичъ, былъ, повидимому, окончатель-

*) См. Клачко, назв. тр., въ „Revue des Deux Mondes“ отъ 1-го декабря, 1878 г., стр. 483.

но заполоненъ хитрымъ нѣмцемъ. Но тогда-же началось и освобожденіе Государя отъ этого пагубнаго вліянія. Двуличіе и недобросовѣстность меттерниховской политики обнаружились на петербургской конференціи представителей великихъ державъ, созванной Императоромъ Александромъ для обсужденія плана умиротворенія Греціи, выработаннаго русскимъ кабинетомъ. Конференція эта была открыта 17-го іюня (н. с.) 1824 года, затѣмъ засѣданія ея были прерваны и возобновлены 24-го февраля 1825 года, но она не привела ни къ какому результату.—Поворотъ въ русской политикѣ, наступившій послѣ этой конференціи, неудавшейся благодаря проискамъ Меттерниха, обнаружился съ еще большею силою со вступленіемъ на престолъ Императора Николая Павловича. Новый Императоръ, будучи великимъ княземъ, неоднократно выражалъ свое неодобреніе политикѣ своего царственнаго брата, политики, внушенной Меттернихомъ. Къ этому присоединялось личное нерасположеніе Государя къ Меттерниху. — 23-го марта (4-го апрѣля) 1826 года подписанъ Петербургскій протоколъ. Даннымъ протоколомъ Россія и Англія обязались принять на себя посредничество между Турціею и Греціею. Греція должна признать верховенство Порты и платить ежегодную дань. Она будетъ управляться выборными властями, которыя будутъ состоять исключительно изъ грековъ. — 27-го іюня (9-го іюля) 1827 года между Россіею, Англіею и Франціею заключенъ Лондонскій договоръ. Ст. 1-я этого договора стимулируетъ предложеніе Портѣ посредничество трехъ договорившихся державъ по греческому вопросу. — Ст. 2-я содержитъ повтореніе постановленій Петербургскаго протокола о политическомъ устройствѣ Греціи.

8-го (20-го) октября 1827 года союзный англо-франко-русскій флотъ, подъ начальствомъ адмираловъ Кодрингтона, де Риньи и Гейдена, истребилъ при Наваринѣ турецко-египетскій флотъ.—2-го (14-го) апрѣля 1828 года Императоръ Николай Павловичъ объявляетъ Турціи войну. Въ концѣ апрѣля русскія войска перешли Прутъ. Исходъ кампаніи 1828 года оказался, какъ извѣстно, не вполнѣ благопріятнымъ. Меттернихъ воспользовался

этимъ, и употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобъ побудить великія державы вступиться въ войну между Россіею и Турціею, причемъ уговаривалъ Англію дѣйствовать на Францію, и обѣщалъ, съ своей стороны, дѣйствовать, въ томъ-же смыслѣ, на Пруссію. Но посолъ нашъ при тюльерійскомъ дворѣ (Поццо ди Борго) объявилъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ (Лаферронне), что Императоръ никогда не допуститъ никакого вмѣшательства постороннихъ державъ въ его дѣла съ Портою. 1-го (13-го) декабря 1828 года австрійскій посолъ при французскомъ дворѣ, графъ Аппоньи, прочелъ Лаферронне депешу Меттерниха, въ которой говорилось, что для прекращенія восточной войны надо созвать конгрессъ изъ воюющихъ сторонъ и главныхъ государствъ Европы. Меттернихъ нашелъ себѣ союзника въ герцогѣ Веллингтонѣ, который, въ свою очередь, повліялъ на французскаго посла въ Лондонѣ, князя Полиньяка. Полиньякъ, пріѣхавъ на время въ Парижъ, пытался склонить французскаго короля къ соглашенію съ Англіею и Австріею. Но Карлъ X не поддался совѣтамъ Полиньяка.

2-го (14-го) сентября, 1829 года, былъ заключенъ Адріанопольскій мирный договоръ между Россіею и Турціею. Условія русско-турецкаго мира возбудили сильные протесты австрійскихъ дипломатовъ. Интернунцій (австрійскій посолъ въ Константинополѣ) называлъ Адріанопольскій договоръ „самымъ жестокимъ, самымъ унизительнымъ изъ всѣхъ когда либо исторгнутыхъ побѣдителемъ у слабаго побѣжденнаго, содержащимъ въ себѣ тотъ смертельный ядъ, который, рано или поздно, приведетъ къ распаденію Оттоманской Имперіи“ *). Меттернихъ въ своемъ докладѣ императору Францу, отъ 27-го сентября (9-го октября) 1829 года писалъ, что при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ слѣдуетъ прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ. Такою мѣрою должно прежде всего быть увеличеніе военныхъ силъ Австріи. Если-бы въ послѣдніе годы онѣ не были ограничены

*) См. Татищевъ: „Внѣшнія сношенія Россіи въ эпоху крымской войны“—Русскій Вѣстникъ, 1885 г., сентябрь, стр. 34.

до крайности, Россія никогда не возбудила-бы восточнаго вопроса, или, по крайней мѣрѣ, данный вопросъ не привелъ-бы къ столь печальному исходу... Въ 1833 году, состоялось свиданіе Государя съ императоромъ Францемъ, въ Мюнхенгрецѣ, въ Чехіи. Оба императора имѣли совмѣстное пребываніе въ продолженіе девяти дней отъ 29-го августа (10-го сентября) по 7-ое (19-ое) сентября. Дипломатическіе переговоры, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ императоровъ, вели въ Мюнхенгрецѣ съ русской стороны: Нессельроде, Орловъ и Татищевъ, съ австрійской Меттернихъ и посолъ въ Петербургѣ Фикельмонъ. Изъ жалкихъ результатовъ, къ которымъ привели данные переговоры, мы остановимся на одномъ, а именно на конвенціи по восточнымъ дѣламъ, заключенной между Россіею и Австріею 6-го (18-го) сентября. Конвенція эта состояла изъ трехъ явныхъ обнародованныхъ и двухъ секретныхъ статей. Договаривавшіяся стороны обязывались всѣми силами поддерживать существованіе Оттоманской Имперіи и противиться сообща всякой перемѣнѣ въ ея государственномъ устройствѣ. Одна изъ секретныхъ статей поясняла, что при этомъ, имѣлось въ виду защищать султана отъ посягательствъ египетскаго паши. Другая секретная статья заключала обязательство, въ случаѣ распаденія Турціи, дѣйствовать не иначе, какъ съ обоюднаго согласія по всѣмъ вопросамъ, относящимся къ установленію новаго порядка на Балканскомъ полуостровѣ. *). 20 го октября (1-го ноября) 1853 года Николай Павловичъ обнародовалъ манифестъ объ объявленіи войны Турціи. Въ февралѣ 1854 года Франція и Англія обратились къ Россіи съ требованіемъ очистить Дунайскія Княжества. Австрія присоединилась къ данному требованію. По очищеніи Дунайскихъ княжествъ Россіею, княжества эти были заняты австрійскими войсками. 20-го апрѣля (н. с.) 1854 года Австрія заключаетъ съ Пруссіею договоръ объ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ. Въ этомъ договорѣ сказано,

*) См. Татищевъ: „Николай I и австрійскій дворъ“, Историческій Вѣстникъ, Февраль 1887 г. стр. 364.

что взаимная, активная помощь наступитъ въ случаѣ инкорпораціи Дунайскихъ княжествъ Россіею, а также въ случаѣ нападенія со стороны Россіи на линію Балканъ или перехода черезъ Балканы. Крымская война закончилась Парижскимъ мирнымъ трактатомъ 18-го (30-го) марта 1856 года. Ст. 7-я этого трактата содержитъ постановленіе о принятіи Оттоманской Имперіи въ составъ европейскихъ державъ. Въ ней сказано, что... „Блистательная Порта признается участвующею въ выгодахъ общаго права и союза державъ европейскихъ (déclarent la Sublime Porte admise à participer aux avantages du droit et du concert européens). Ихъ Величества обязуются, каждый съ своей стороны, уважать независимость и цѣлость Имперіи Оттоманской, обезпечиваютъ, совокупнымъ своимъ ручательствомъ, точное соблюденіе сего обязательства, и, вслѣдствіе того, будутъ почитать всякое, въ нарушеніе онаго, дѣйствіе вопросомъ, касающимся общихъ правъ и пользы". Ст. 9-я гласитъ: „Его Императорское Величество Султанъ, въ постоянномъ попеченіи о благѣ своихъ подданныхъ, даровавъ фирманъ, коимъ улучшается участь ихъ, безъ различія по вѣроисповѣданіямъ или племенамъ, и утверждаются великодушныя намѣренія его касательно христіанскаго народонаселенія его Имперіи, и желая дать новое доказательство своихъ въ семъ отношеніи чувствъ,—рѣшился сообщить договаривающимся державамъ означенный, изданный по собственному его побужденію фирманъ. Договаривающіяся державы признаютъ высокую важность сего сообщенія, разумѣя притомъ, что оно ни въ какомъ случаѣ не даетъ симъ державамъ права вмѣшиваться, совокупно или отдѣльно, въ отношенія Его Величества Султана къ его подданнымъ и во внутреннее управленіе имперіи его.

Начавшаяся въ 1877 году война наша съ Турціею закончилась Санъ-Стефанскимъ „прелиминарнымъ" договоромъ. Понятно, что разъ наша дипломатія придала этому договору такое временное значеніе, то уже нельзя было ждать отъ Западной Европы окончательнаго закрѣпленія русско-турецкихъ отношеній на санъ-стефанскихъ договорныхъ постановленіяхъ. Да и вообще отъ

Западной Европы нельзя было ожидать иныхъ отношеній къ намъ, кромѣ отношеній враждебныхъ. Непріязнь эта открыто проявилась на созванномъ въ Берлинѣ конгрессѣ. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій конгресса, лордъ Сольсбери опредѣлилъ задачу этого собранія слѣдующимъ образомъ: „вполнѣ уничтожить результаты войны (anéantir entièrement les résultats de la guerre) *). Могло-ли собраніе, на которомъ произносились такія слова, создать что-либо прочное, что-либо объективное, безпристрастное, что-либо согласное съ истинными началами международнаго права, съ принципомъ международнаго правового общенія, съ правдою и справедливостью? Очевидно, нѣтъ. Посмотрите на Берлинскій трактатъ, сравните его съ договоромъ Санъ Стефанскимъ, и вы убѣдитесь въ томъ, что каждый русскій, мало мальски любящій свою родину, долженъ относиться съ величайшимъ отвращеніемъ къ этому акту международной несправедливости.

Представивъ вамъ, Мм. Гг., историческій очеркъ политики Россіи въ т. наз. „восточномъ“ вопросѣ, я имѣлъ въ виду указать вамъ на тѣ основныя начала, которыми Россія руководилась въ своихъ отношеніяхъ къ славянамъ, а также на русское политическое міросозерцаніе вообще, въ отличіе отъ міросозерцанія западно-европейскаго.—Западная Европа явилась въ восточномъ, или, какъ теперь говорятъ, ближне восточномъ вопросѣ, воплощеніемъ меркантилизма, торгашества, духа наживы, стремленія разбогатѣть во что-бы то ни стало и какими-бы то ни было средствами. Даже „король солнце“ (le roi-soleil)—Людовикъ XIV — не воздѣйствовалъ на оскорбленія, нанесенныя его дипломатическому представителю надменнымъ, дерзкимъ варваромъ-туркомъ.—Представитель англійской королевы Елизаветы, какъ мы видѣли, желая добиться заключенія союза съ Турціей, прибѣгаетъ къ восхваленію магометанства, заслуживши открытое заявленіе презрѣнія со стороны представителя Турціи. — Позднѣе, когда За-

*) См. Татищевъ: „Россія и Болгарія“. Историческая справка III, въ Нов. Вр. отъ 6 (18) апрѣля 1888 года.

падная Европа стала смотрѣть на Турцію, какъ на оплотъ противъ Россіи, которую она называла „варварскою“ страною, Западная Европа не задумалась дружить, заключать союзы и всячески поддерживать дѣйствительно варварскую представительницу ислама. Обезпечить себя отъ политическаго перевѣса Россіи, парализовать мнимую опасность для Западной Европы отъ яко-бы угрожающихъ ей русскихъ захватовъ, предотвратить предстоящее яко-бы, нарушеніе ложно понятаго начала политическаго, или европейскаго, или международнаго равновѣсія—таковы были цѣли, которыми задалась Западная Европа въ своей политикѣ по восточному вопросу.

Для достиженія этихъ цѣлей всѣ средства казались ей пригодными. Пусть душатъ славянъ и другихъ турецкихъ христіанъ, пусть совершаются въ турецкой имперіи, покровительствуемой Западомъ, всякія безобразія, акты величайшаго насилія надъ личностью и собственностью, Западная Европа рѣшила не только пальцемъ не пошевельнуть за несчастныхъ жертвъ турецкаго вандализма, но даже систематически заступаться за ихъ палачей и не допускать русской помощи и русскаго вмѣшательства въ турецкія дѣла. Установленный Кучукъ-Кайнарджійскимъ мирнымъ договоромъ единоличный контроль Россіи надъ отношеніями Турціи къ порабощеннымъ ею славянамъ и другимъ христіанамъ, былъ замѣненъ фиктивнымъ контролемъ Европы, контролемъ, дозволявшимъ контролируемому довольствоваться пышными, громкими, фразами, широковѣщательными обѣщаніями, увѣреніями, найлиберальнѣйшими бумажными реформами. Но отъ словъ къ дѣлу не переходили, или-же переходили только для видимости. Западная-же Европа платонически протестовала, писала безполезныя дипломатическія ноты или-же въ крайнемъ случаѣ, дѣлала невинныя т. наз. морскія демонстраціи. Все это дѣлалось изъ боязни ослабить Турцію и усилить Россію, изъ желанія поддержать цѣлость и неприкосновенность турецкой имперіи, а также всю полноту ея державныхъ правъ. — Держась такого образа дѣйствій, Западная Европа, Европа като-

лическая и протестантская, проявляла въ международной жизни тѣ основныя начала, которыя составляютъ ея внутреннюю природу, ея существо, ея сущность. Начала эти: воинственность, духъ завоеванія, крайній индивидуализмъ и матеріализмъ.

Въ средневѣковой Западной Европѣ жили кельты и германцы. Что-же говорятъ намъ историческіе источники о характерѣ этихъ народовъ. О кельтахъ мы знаемъ, что война была ихъ любимымъ занятіемъ. Войны ихъ сопровождались варварскимъ разореніемъ, опустошеніемъ завоеванныхъ ими земель. Послѣ битвы кельты привѣшивали къ гривамъ лошадей головы убитыхъ ими враговъ, а затѣмъ прибивали ихъ къ стѣнамъ своихъ домовъ.—О германцахъ историческіе источники повѣтствуютъ намъ, что война была также ихъ любимымъ занятіемъ, и что даже ихъ рай имѣлъ воинственный характеръ. Души трусовъ, по германской миѳологіи, были обрекаемы на вѣчное прожитье въ Геллѣ (Гелла-Holle-адъ), души-же храбрецовъ, героевъ, доблестно павшихъ на полѣ брани, обитаютъ въ жилищѣ боговъ, въ валгаллѣ, въ замкѣ. Тамъ онѣ живутъ вмѣстѣ съ богами и наслаждаются битвами между собою.—Главный герой средневѣковой Западной Европы, возстановитель Западной Римской Имперіи, которая стала называться „Священною Римскою Имперіею“, Карлъ В. (768—814) отличался своими завоеваніями. Большая часть его царствованія протекла среди войнъ. Самою упорною изъ этихъ войнъ была война съ саксонцами. Она продолжалась тридцать три года.—Къ саксонцамъ явился франкскій священникъ Либуинъ и началъ проповѣдывать христіанство, причемъ онъ имъ говорилъ, что непринятіе имъ христіанской вѣры будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ грозное нашествіе Карла В., который опустошитъ ихъ землю огнемъ и мечемъ.—Либуину едва удалось уйти живымъ отъ раздраженныхъ саксонцевъ, которые сожгли строившуюся въ Девентерѣ христіанскую церковь и убили находившихся тамъ христіанъ. Тогда Карлъ В. двинулся на саксонцевъ, взявъ саксонскую крѣпость Эресбургъ и, затѣмъ, разрушилъ святыню саксонцевъ-Ирминсулъ.—Саксонцы покорились, и, уступая силѣ, согласились

допустить въ своихъ территоріальныхъ предѣлахъ дѣятельность франкскихъ миссіонеровъ. Они дали Карлу В. заложниковъ и вынуждены были терпѣть присутствіе франкскихъ гарнизоновъ во взятыхъ Карломъ В. саксонскихъ крѣпостяхъ, а также въ новыхъ крѣпостяхъ имъ построенныхъ. Но во время похода Карла В. въ Италію саксонцы возстали подъ предводительствомъ своего герцога (вождя) Виттекинда. Они овладѣли крѣпостью Эресбургомъ, прогнали франкскіе гарнизоны и даже вторглись въ территоріальные предѣлы франкскаго королевства, разрушая христіанскія церкви и избивая священниковъ (774 г.).—Тогда Карлъ В. вновь напалъ на Саксонцевъ, разбилъ ихъ войска, взялъ обратно Эресбургъ, поставилъ въ этой и другихъ крѣпостяхъ, свои гарнизоны и взялъ заложниковъ (775 г.). Въ слѣдующемъ, 776 году, Карлъ В. опять уходитъ воевать въ Италію, чѣмъ опять воспользовались саксонцы, которые вновь возстали. Повторилась та-же исторія. Карлъ В. явился съ большимъ войскомъ и побѣдилъ саксонцевъ. Но останавливаясь на подробностяхъ этой ужасной, тридцатитрехлѣтней войны, мы укажемъ еще лишь на слѣдующіе ея моменты:—на десятомъ году войны (782) имѣло мѣсто самое гибельное для франковъ возстаніе саксонцевъ. Карлъ В. повѣрилъ видимой, внѣшней покорности саксонцевъ. Предпринимая походъ противъ славянъ, Карлъ В., кромѣ, франкскихъ войскъ, отправилъ противъ нихъ саксонцевъ, причемъ они были поставлены подъ начальствомъ не франкскихъ, а своихъ, саксонскихъ, полководцевъ. — Славяне, противъ которыхъ былъ начатъ походъ, жили по Салѣ и Эльбѣ. Звали ихъ сорбами.—Виттекиндъ воспользовался отсутствіемъ части франкскихъ войскъ, чтобы вновь возстать. Саксонцы, ушедшіе въ походъ, также возстали. Карлъ В. опять побѣдилъ саксонцевъ и, затѣмъ, потребовалъ, чтобы ему были выданы главные мятежники. По исполненіи этого требованія, 4500 саксонскихъ воиновъ были казнены въ одинъ день, въ лагерѣ Карла В.—Вслѣдъ за тѣмъ Карлъ В. принялъ цѣлый рядъ драконовскихъ мѣръ противъ религіи саксонцевъ. Жертвоприношенія

и, вообще, всякое совершеніе языческихъ обрядовъ, были воспрещены подъ страхомъ смертной казни. Объявлено о принудительномъ обращеніи саксонцевъ въ христіанство.--Но жестокія мѣры Карла В. не навели паники на саксонцевъ, а только еще болѣе раздражили ихъ. Вновь появился Виттекиндъ и вновь возгорѣлась война, которая продолжалась три года. Въ эти три года пролито больше крови, чѣмъ въ первыя десять лѣтъ войны. Въ 785 году Виттекиндъ покорился Карлу В. и принялъ христіанство. Затѣмъ саксонцы около семи лѣтъ не возставали противъ Карла В.—Послѣднее возстаніе имѣло мѣсто въ 792 году. Саксонцы прогнали христіанскихъ священниковъ и епископовъ, разрушили христіанскія церкви и возстановили языческое богослуженіе.—Окончательное покореніе саксонцевъ имѣло мѣсто лишь въ 803 году.

Послѣ Карла В. получила развитіе феодальная система. Западная Европа раздробилась на множество мелкихъ владѣній, принадлежавшихъ феодаламъ. Эти феодалы проводили время въ почти безпрерывныхъ войнахъ между собою, грабили мирныхъ жителей, опустошали поля, разоряли селенія и города. Отсюда происхожденіе названія: „рыцарь-разбойникъ“ (Raub-Ritter), а также нѣмецкой пословицы, гласившей, что грабежъ не позоренъ, ибо лучшіе люди предаются грабежу („rauben ist keine Schande das thun die besten im Lande“). Свѣтскому, т. наз. „кулачному праву“ (Faust-Recht) соотвѣтствовало и церковное кулачное право. Католическая церковь также произвольно дѣйствовала въ дѣлахъ вѣры, какъ феодалы въ дѣлахъ свѣтскихъ. Прибѣгать къ силѣ для того, чтобы заставить человѣка отречься отъ своихъ религіозныхъ убѣжденій – таковъ идеалъ западно-европейской католической церкви. Такіе люди, какъ Абеляръ, альбигойцы, Арнольдъ Бршіанскій, Савонарола, Гуссъ, жестоко преслѣдовались католическою церковью. Въ 1209 году католическія войска или т. наз. крестоносцы вторглись въ графство тулузское, въ главный очагъ альбигойской секты, подъ предводительствомъ графа Симона Монфора. Повсюду, гдѣ проходили эти носители креста Господня, водворя-

лась мерзость запустѣнія, поля были опустошены города разорены, лже-вѣрующіе или еретики избиваемы. Сельскіе и городскіе жители большими массами бѣжали въ горы и лѣса. Послѣ взятія города Безіера, начальники отрядовъ крестоносцевъ, осаждавшихъ этотъ городъ, обратились къ папскому легату, присутствовавшему при осадѣ, съ вопросомъ: какъ поступить съ военноплѣнными, въ виду того, что между ними было много и католиковъ. Папскій легатъ лаконически отвѣчалъ: „убить“. На вопросъ же о томъ, какимъ путемъ возможно будетъ узнать, кто изъ военноплѣнныхъ католикъ и кто протестантъ, легатъ отвѣчалъ: „бейте всѣхъ, на томъ свѣтѣ Богъ распознаетъ невинныхъ“.— Всѣ дѣла о еретикахъ вѣдались особымъ духовнымъ судилищемъ, судомъ инквизиціоннымъ или инквизиціею, хотя подъ инквизиціею слѣдуетъ разумѣть не судъ, а судебное слѣдствіе (inquisitio, разслѣдованіе, слѣдствіе). — Инквизиціонный судъ нашелъ себѣ защитниковъ въ Западной Европѣ даже въ 19 столѣтіи. Въ 1822 году Іосифъ де Метръ пишетъ памфлетъ на инквизицію (Iosepf de Maitre: Lettres à un gentelhomme russe sur l'Inquisition espagnole), а въ 1899 году въ Парижѣ вышло пятнадцатое изданіе книги іезуита Девивіе (Devivier): Курсъ христіанской апологіи (Cours d'apologitigue christienne). Книга эта была одобрена шестью кардиналами и тридцатью двумя архіепископами и епископами была переведена на нѣсколько языковъ. Она представляетъ собою апологію инквизиціоннаго суда. Въ 1572 году западно-европейское католическое изувѣрство порождаетъ варфоломѣевскую ночь.—Въ 1618—1648 годъ происходитъ тридцатилѣтняя война между католиками и протестантами. Война эта сопровождается неимовѣрными ужасами. Городъ Магдебургъ былъ взятъ католиками штурмомъ, католическій военачальникъ Тилли велѣлъ поджечь городъ. Большая часть города была разрушена, нѣсколько тысячъ человѣкъ были избиты, причемъ не щадили ни женщинъ, ни дѣтей. Въ нѣкоторыхъ германскихъ областяхъ погибли двѣ трети населенія. Послѣ этой ужасной войны, Германія оправлялась на тридцать лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ народъ питался тра-

вой и кореньями, ѣли даже человѣческое мясо. Въ 1598 году Генрихъ IV издалъ Нантскій Эдиктъ (указъ). Этимъ эдиктомъ даровалась религіозная свобода французскимъ протестантамъ или такъ наз. гугенотамъ. Въ 1685 году Людовикъ XIV издаетъ эдиктъ объ отмѣнѣ нантскаго эдикта. Подписывая этотъ эдиктъ, канцлеръ Летелье воскликнулъ: „нынѣ, Господи, отпущаеши раба твоего съ миромъ!“ Отмѣнѣ Нантскаго Эдикта предшествовалъ цѣлый рядъ насильственныхъ мѣръ. У гугенотовъ отбирали церкви, арестовывали пасторовъ, запрещали имъ совершать браки и погребенія по своему обряду, крестить дѣтей, отправлять богослуженіе. Въ гугенотскихъ домахъ стали размѣщать отряды драгуновъ. Эта мѣра извѣстна подъ названіемъ драгонадъ (dragonades). Драгуны всячески обижали, притѣсняли, насиловали мирныхъ, честныхъ тружениковъ-гугенотовъ. Своею жестокостью и своими мерзостями драгуны превзошли даже солдатъ Тилли и Валленштейна. Съ наступленіемъ эпохи великой французской революціи, казалось-бы, должна была водвориться эра свободы, должны были прекратиться насилія въ области духовной жизни человѣка, какъ и въ сферѣ политической. Но въ дѣйствительности вышло иначе. Революціонный вандализмъ превзошелъ вандализмъ монархическій и католическій. Въ данное революціонное время проявился тотъ-же западно-европейскій духъ насилія, та-же нетерпимость, то-же деспотическое навязываніе чужаго нравственнаго міросозерцанія, та-же борьба съ саксонцами, тотъ-же завоевательный феодализмъ, та-же адски-злобная инквизиція *).

Не то мы видимъ у славянъ и, въ частности, въ Россіи. Историческіе источники свидѣтельствуютъ, что любимымъ занятіемъ славянъ было земледѣліе. Осѣдлый образъ жизни славянъ и ихъ земледѣльческій мирный трудъ относятся къ тѣмъ временамъ, когда германцы вели еще жизнь бродячую, кочевую. Славяне издавна отличались своею нравствен-

*) Революція была подавлена Наполеономъ, въ которомъ воплотился западно-европейскій духъ насилія.

ностью и миролюбіемъ. „Простота нравовъ славянскихъ находилась въ противоположности съ испорченными нравами другихъ современныхъ имъ народовъ. По свидѣтельству современниковъ чужеземцевъ люди злые и лукавые попадались очень рѣдко между славянами. Затѣмъ всѣ писатели говорятъ о гостепріимствѣ славянъ, объ ихъ ласковости къ иностранцамъ", которыхъ усердно провожали изъ одного мѣста въ другое, и если случится, что странникъ потерпитъ какую-нибудь бѣду по нерадѣнію своего хозяина, то сосѣдъ послѣдняго вооружается противъ него, почитая священнымъ долгомъ отмстить за странника" (см. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, изд. 6-е. Москва 1883, т. 1, стр. 62). Далѣе, писатели восхваляя обхожденіе славянъ съ плѣнными, говорятъ, „что у славянъ плѣнные не рабствовали цѣлый вѣкъ, какъ у другихъ народовъ, но что назначенъ былъ извѣстный срокъ, по прошествіи котораго они были вольны или возвратиться къ своимъ, давши окупъ, или остаться жить между славянами, въ качествѣ людей вольныхъ и друзей..." (тамъ-же стр. 63). Въ 945 году былъ заключенъ договоръ между княземъ Игоремъ и Греками. Укажемъ на слѣдующее постановленіе этого договора: „Если греческая ладья будетъ выброшена вѣтромъ великимъ на чужую землю и случится кто изъ насъ русскихъ, то мы, русскіе, охранимъ ту ладью и съ грузомъ отправимъ ее въ землю христіанскую (греческую). Если отъ противнаго вѣтра ладья не можетъ идти, то мы, русскіе, потрудимся съ гребцами той ладьи и допроводимъ съ товарами въ свое мѣсто, если то случится близъ греческой земли. Если бѣда приключится близъ русской земли, то проводимъ въ русскую землю. И пусть продаютъ товаръ той ладьи и все, чего не могутъ продать, мы, русскіе, отведемъ, когда пойдемъ въ Грецію или съ куплею, или съ посольствомъ". Шлецеръ замѣчаетъ объ этомъ договорѣ, что это такой актъ, который является единственнымъ въ тогдашней Европѣ. О русскихъ славянахъ десятаго вѣка Шлецеръ замѣчаетъ, что „эти язычники говорили не только кротко, но и по христіански". И дѣйствительно! Въ то время; когда русскіе славяне за-

ключаютъ съ Византіей договоръ, содержащій вышеприведенное постановленіе, въ Западной Европѣ существовало т. наз. „береговое право“ (droit de naufrage), въ силу котораго суда, потерпѣвшія крушеніе у берега, подлежали конфискаціи, а судовая команда и пассажиры лишались свободы. Освобожденіе-же ихъ было обусловлено уплатою крупныхъ денежныхъ суммъ. Это варварское береговое право существовало въ Западной Европѣ вплоть до 17-го вѣка. Принятіе русскими славянами христіанства представляетъ собою также яркій контрастъ съ тѣмъ-же историческимъ явленіемъ въ Западной Европѣ. На Западѣ, какъ было указано, христіанство распространялось не по христіански, а по магометански—огнемъ и мечемъ, у насъ-же надо удивляться съ какою свободою распространилось христіанство. Народъ свободно добровольно принялъ христіанство. Случаи сопротивленія были ничтожны сравнительно съ общимъ, плавнымъ теченіемъ обращенія въ христіанство. Какова причина этого замѣчательнаго, историческаго явленія? Мы полагаемъ, что оно было обусловлено характеромъ русскихъ славянъ. Духъ христіанской кротости, христіанскаго смиренія, духъ христіанской любви къ ближнимъ, христіанскаго всепрощенія, христіанскаго незлобія—таковы основныя характеристическія особенности русскихъ славянъ—язычниковъ.

Принимая христіанскую вѣру, они принимали ту вѣру, которая ближе всего подходила къ ихъ духовной природѣ.—Христіанская вѣра была принята русскими славянами отъ Византіи. Отсюда и византійское вліяніе, которое обнаружилось въ церковномъ устройствѣ, въ церковномъ правѣ, въ духовной письменности, въ храмовой архитектурѣ, въ представительности княжеской власти.

Москва-же позаимствовала у Византіи придворный церемоніалъ, вѣнчаніе и помазаніе на царство.—Въ московскій періодъ нашей исторіи мы можемъ также указать на вліяніе Византіи и въ области гражданскаго права.—Но византійское вліяніе не измѣнило коренныхъ особенностей русскаго народнаго характера и русскаго государственнаго строя.—Россія не была завоевана, какъ западно—европейскія государства,

княжеская власть была установлена въ ней по доброй волѣ новгородскихъ славянъ, кривичей и чуди.

„Поищемъ себѣ князя, который владѣлъ-бы нами и судилъ по правдѣ“— къ такому рѣшенію пришли они, чтобы положить конецъ междоусобіямъ и непорядкамъ.— Призванные князья и ихъ преемники стали княжить въ союзѣ съ народомъ, вмѣстѣ съ народнымъ вѣчемъ. Но и цари наши вѣнчанные и помазанные, хотя и обладали значительно большею властью, тѣмъ не менѣе царствовали также, говоря вообще, въ союзѣ съ народомъ и созывали земскіе соборы.

Громадный вредъ причинило Россіи монгольское иго. Оно надолго остановило умственное и нравственное развитіе русскаго народа. Татарское вліяніе отразилось на народной нравственности, на законодательствѣ. Татарщина порождаетъ корыстолюбіе, усиленную преступность, жестокость наказаній. Но и татарщина не смогла уничтожить коренныя начала русскаго народнаго характера. Косность, застой, внесенныя въ русскую жизнь азіатскимъ порабощеніемъ, повели къ тому, что Западная Европа опередила насъ въ своемъ культурномъ развитіи. Желая положить конецъ этой отсталости Россіи передъ Западной Европой, Петръ В. начинаетъ коренное преобразованіе русскаго государственнаго, общественнаго и народнаго строя. „Въ дѣятельности Петра“, какъ справедливо замѣчаетъ Данилевскій (стр. 29.), необходимо строго отличать двѣ стороны: его дѣятельность государственную, всѣ его военныя, флотскія, административныя, промышленныя насажденія, и его дѣятельность реформативную въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. тѣ измѣненія въ бытѣ, нравахъ, обычаяхъ и понятіяхъ, которыя онъ старался произвести въ русскомъ народѣ. Первая дѣятельность заслуживаетъ вѣчной признательной, благоговѣйной памяти и благословенія потомства. Какъ ни тяжелы были для современниковъ его рекрутскіе наборы..., введенная имъ безжалостная финансовая система, монополіи, усиленіе крѣпостнаго права, однимъ словомъ запряженіе всего народа въ государственное тягло, всѣмъ этимъ заслужилъ онъ себѣ имя Великаго, имя основа-

теля русскаго государственнаго величія. Но дѣятельностью втораго рода онъ не только принесъ величайшій вредъ будущности Россіи (вредъ, который такъ глубоко пустилъ свои корни, что доселѣ еще разъѣдаетъ русское народное тѣло), онъ даже совершенно безполезно затруднилъ свое собственное дѣло: возбудилъ негодованіе своихъ подданныхъ, смутилъ ихъ совѣсть, усложнилъ свою задачу, самъ устроилъ себѣ препятствія, на побореніе которыхъ долженъ былъ употреблять огромную долю той необыкновенной энергіи, которою былъ одаренъ и которая конечно могла-бы быть употреблена съ большею пользою. Къ чему было брить бороды, надѣвать нѣмецкій кафтанъ, загонять въ ассамблеи, заставлять курить табакъ, учреждать попойки (въ которыхъ даже пороки и распутство должны были принимать нѣмецкую форму), искажать языкъ, вводить въ жизнь придворную и высшаго общества иностранный этикетъ, мѣнять лѣтосчисленіе, стѣснять свободу духовенства? Къ чему ставить иностранныя формы жизни на первое почетное мѣсто, и тѣмъ накладывать на все русское печать низкаго и подлаго, какъ говорилось въ то время? Неужели это могло укрѣпить народное сознаніе? Конечно, однихъ государственыхъ нововведеній (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) было недостаточно: надо было развить то, что всему даетъ крѣпость и силу, т. е. просвѣщеніе, но что-же имѣли общаго съ истиннымъ просвѣщеніемъ всѣ эти искаженія народнаго облика и характера? Просвѣщеніе къ тому-же не насаждается по произволу, какъ мѣняется форма одежды, или вводится то или другое административное устройство. Его слѣдовало не насаждать извнѣ, а развивать извнутри. Ходъ его былъ-бы медленѣе, но за то вѣрнѣе и плодотворнѣе. Какъ бы то ни было, русская жизнь была насильственно перевернута на иностранный ладъ. Сначала это удалось только относительно верхнихъ слоевъ общества, на которые дѣйствіе правительства сильнѣе и прямѣе, и которые вообще вездѣ и всегда податливѣе на разные соблазны. Но мало по малу это искаженіе русской жизни стало распространятся и въ ширь и въ глубь, т. е. расходиться отъ высшихъ классовъ на

занимающіе болѣе скромное мѣсто въ общественной іерархіи, и съ наружности проникать въ самый строй чувствъ и мыслей подвергшихся обезнародовающей реформѣ. Послѣ Петра наступили царствованія, въ которыхъ правящія государствомъ лица относились къ Россіи..... съ одною лишь ненавистью, съ однимъ презрѣніемъ..... Послѣ этого тяжелаго періода, долго еще продолжались колебанія между предпочтеніемъ то русскому, какъ при Екатеринѣ В., то иностранному, какъ при Петрѣ III, или Павлѣ. Но подъ вліяніемъ толчка, сообщеннаго Петромъ, самое понятіе объ истинно-русскомъ до того исказилось, что, даже въ счастливые періоды національной политики (какъ внѣшней, такъ и внутренней), русскимъ считалось нерѣдко такое, что вовсе этого имени не заслуживало. Говоря это, я разумѣю вовсе не одно правительство, а все общественное настроеніе, которое, электризуясь отъ времени до времени русскими патріотическими чувствами, все болѣе и болѣе однако-же обезнародовалось подъ вліяніемъ европейскихъ соблазновъ и принимало какой-то общеевропейскій колоритъ: то съ преобладаніемъ французскихъ, то нѣмецкихъ, то англійскихъ колеровъ, смотря по обстоятельствамъ времени и по слоямъ и кружкамъ, на которые разбивается общество.—Болѣзнь эту, вотъ уже полтора столѣтія заразившую Россію, все расширяющуюся и укореняющуюся.... приличнѣе всего кажется мнѣ назвать *европейничаньемъ*, и коренной вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ вся будущность, вся судьба не только Россіи, но и всего славянства, заключается въ томъ, будетъ-ли эта болѣзнь имѣть такой доброкачественный характеръ, которымъ отличались и внесеніе государственности иноплеменниками русскимъ славянамъ, и татарское данничество, и русская форма феодализма, окажется-ли эта болѣзнь прививною, которая, подвергнувъ организмъ благодѣтельному перевороту, излѣчится, не оставивъ за собою вредныхъ, неизгладимыхъ слѣдовъ, подтачивающихъ самую основу народной жизненности? *) О насильственномъ насажденіи въ

*) См Данилевскій: „Россія и Европа“, изд. 3-е Спб. 1888 г. стр. 286.

русскомъ народѣ чуждыхъ, противныхъ его духовной природѣ идеаловъ, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ говоритъ слѣдующее:—„Отчего, повидимому, ты такъ безобразна, наша святая, великая Русь? Отчего все, что ни посѣешь въ тебѣ добраго, всходитъ негодной травой, выростаетъ бурьяномъ да репейникомъ? Отчего въ тебѣ, какъ лицо красавицы въ кривомъ зеркалѣ, всякая несомнѣнная, прекрасная истина отражается кривымъ, косымъ, неслыханно уродливымъ дивомъ? Тебя ли не наряжали, не румянили, не бѣлили? За тобой ли не было уходу и призору? Тысячи послужниковъ холятъ тебя и денно и ночно, выписаны изъ за моря дорогіе учители, есть у тебя и нѣмцы-дядьки и французы-гувернеры, а всетаки не въ прокъ идетъ тебѣ ученье, и смотришь ты неряхой, грязнымъ неучемъ, вся въ заплатахъ и пятнахъ, и, какъ дурень въ сказкѣ, ни шагу ступить, ни слова молвить кстати не умѣешь!.. Оттого я такъ безобразна, отвѣчаетъ святая Русь, что набѣлили вы, нарумянили мою красу самородну, что связали вы по рукамъ и по ногамъ мою волю, волюшку, что стянули вы могучія плеча въ нѣмецкій тѣсный кафтанъ. И связали, и стянули, да и нудите: ходить по полю, да не по паханному, работать сохой не прилаженной, похмѣляться во чужомъ пиру, жить чужимъ умомъ, чужимъ обычаемъ, чужой вѣрою, чужой совѣстью! О, не хольте меня, вы отцы, вы благодѣтели! Не млѣйте меня, вы незванные и непрошенные, вы дозорщики, вы надсмотрщики, попечители, строители да учители! Меня давитъ, томитъ вашъ тѣсный кафтанъ, меня душатъ ваши путы чуземные. Какъ не откормить коня сухопараго, не утѣшить дитя безъ матери, такъ не быть мнѣ прогожей на заморскій ладъ, не щеголять мнѣ красою нѣмецкою, не заслужить у Бога милости не своей душей“! *). Противъ этой болѣзни европейничанія, какъ выразился Данилевскій, мы, славянофилы, и возстаемъ. Мы возстаемъ противъ поклоненія Западной Европѣ, противъ ребяческаго, раболѣпнаго отношенія къ Западу. Признавая великія заслуги Западной Европы въ дѣлѣ

*) Изъ газеты „День“, 1862 года 10-го марта.

общечеловѣческаго просвѣщенія, мы, славянофилы, утверждаемъ, что къ европейской культурѣ, цивилизаціи, слѣдуетъ относиться съ разборомъ. Далеко не все на Западѣ хорошо. Исторія Запада далеко не можетъ, какъ мы видѣли, служить намъ назидательнымъ примѣромъ. А теперешнее политическое положеніе Западной Европы, развѣ оно достойно подражанія? Съ 1848 года начинаетъ въ ней развиваться нелѣпое лжеученіе соціализма, а затѣмъ еще болѣе нелѣпое лжеученіе анархизма. Соціализмъ, не довольствуясь юридическимъ и политическимъ равенствомъ людей, требуетъ еще равенства фактическаго. Люди отличаются другъ отъ друга по своему нравственному и умственному уровню, одинъ человѣкъ трудолюбивъ, другой праздполюбецъ, одинъ добродѣтеленъ, другой пороченъ, одинъ развитой, способный, даровитый, другой тупоумный, бездарный, малоспособный, или-же вполнѣ безтолковый, одинъ честный, добросовѣстный, другой плутоватый, безсовѣстный,одинъ трезвый, другой винолюбецъ, но соціализмъ ни во что не ставитъ этихъ коренныхъ, природныхъ различій, прилагая ко всему роду человѣческому одну непримѣнимую къ жизни, общую мѣру. Нелѣпость этого міровоззрѣнія очевидна. Но соціалистическое міровоззрѣніе не только нелѣпо, оно и несправедливо въ высшей степени.— Справедливость требуетъ, чтобы каждому воздавалось свое, то что ему принадлежитъ по праву, должное (suum cuique), соціализмъ же требуетъ, чтобы воздавалось равное не равнымъ. Анархизмъ-же стремится къ полному уничтоженію той формы общежитія, которую мы называемъ государствомъ, т. е. къ одичанію рода человѣческаго.—Анархизмъ и, въ особенности, соціализмъ, быстро растутъ на Западѣ, такъ не подражать-ли намъ ему и въ этомъ? Но даже и въ томъ, въ чемъ Западъ достоинъ подражанія, это подражаніе должно носить не тотъ характеръ, которымъ отличалась дѣятельность нашихъ западниковъ. Въ основѣ ихъ дѣятельности лежало отрицаніе русскаго народнаго начала, русской народности, обезличеніе русскаго народа. Наши западники требовали и требуютъ заимствованія и присвоенія всѣхъ просвѣтительныхъ

началъ Германо-романской цивилизаціи. Эти западно-европейскія просвѣтительные начала должны пройти въ плоть и кровь русскаго народа, и, стало быть, вытѣснить всѣ природныя его особенности. Русскій народъ долженъ отречься отъ самаго себя, чтобы сдѣлаться народомъ европейскимъ, культурнымъ.—И такъ наши западники отрицаютъ русскую народность во имя европейской или германо-романской, якобы общечеловѣческой цивилизаціи, культуры.—Въ западно-европейской культурѣ существуютъ, дѣйствительно, общечеловѣческіе элементы. Таковы: пути сообщенія, орудія производства, техника въ искусствѣ и т. д. Но это только внѣшнія условія культуры, культурной жизни народа. Чтобы нарисовать картину, изваять статую, сочинить музыкальное произведеніе, написать поэму нужно знать извѣстные техническіе пріемы. Но эти, техническіе пріемы, эти правила имѣютъ второстепенное значеніе. Главное въ художественномъ произведеніи—это мысль, идея художника, скульптора, композитора, поэта. Но эта идея, вложенная въ художественное произведеніе, имѣетъ національную окраску, является воплощеніемъ національныхъ мыслей и чувствъ творца художественнаго произведенія.

Родная почва, нравы, обычаи, религіозныя и политическія убѣжденія, общій умственный и нравственный складъ индивида,—все это отзывается на его произведеніи. О космополитическихъ-же твореніяхъ, созданіяхъ безпочвеннаго, космополитическаго ума не стоитъ и говорить. Разъ въ извѣстномъ произведеніи нѣтъ индивидуально-національной самобытности, произведеніе это уже является жалкою копіею. И такъ, общечеловѣческое въ западно-европейской, какъ и во всякой культурѣ, играетъ второстепенную роль, внутренняя же природа, самое существо, сущность каждой культуры заключается въ ея національномъ, народномъ характерѣ, въ тѣхъ характеристическихъ свойствахъ, особенностяхъ, чертахъ, которыя отличаютъ одну культуру отъ другой, которыя вытекаютъ изъ самой природы культурно-историческаго типа.—Отрекаясь-же отъ своего „я“, отъ своей коллективной, народной личности,

рабски, а не сознательно и въ національныхъ предѣлахъ, т. е. не покушаясь на свою народность, національность, подражая Западной Европѣ, преклоняясь передъ нею, какъ передъ идоломъ, вы убиваете творчество народное, вы останавливаете прогрессъ, т. е. закономѣрное, поступательное движеніе народа по культурному пути, ведущему къ всестороннему развитію народа. Безъ народной самобытности, безъ соображенія съ историческими и бытовыми основами народа, немыслимо всестороннее развитіе силъ и способностей человѣка, полное удовлетвореніе его потребностей, всестороннее развитіе духовно-физической природы человѣка, а въ этомъ и заключается цѣль, смыслъ и значеніе всякой культуры, для достиженія этой цѣли люди и соединяются въ различныя формы общенія, общежитія, каковы семья, родъ, племя, государство и, наконецъ, высшая форма человѣческаго общенія, высшій человѣческій союзъ,—союзъ международный.

И такъ во внутренней жизни русскаго государства, Россіи, мы славянофилы, требуемъ примѣненія ко всѣмъ вопросамъ русской государственной общественной, вообще культурной жизни, начала русскаго, народнаго, начала національности, т. е. національности господствующей, выдержавшей на своихъ плечахъ все тяжелое время созиданія Россіи.—Во внѣшней-же политикѣ, мы, славянофилы, требуемъ политики, основанной на сознаніи полной солидарности интересовъ русскихъ и славянскихъ, на сознаніи, что главною цѣлью всей русской внѣшне-политической дѣятельности должно быть образованіе всеславянскаго союза съ Россіею во главѣ и возстановленіе на софійскомъ храмѣ въ русскомъ Царь-Градѣ нашего православнаго Креста. Союзъ всеславянскій не долженъ нарушить внутренню политическую свободу отдѣльныхъ славянскихъ государствъ, но если нападетъ на насъ, объединенныхъ славянъ, внѣшній врагъ, то всѣ мы должны будемъ возстать какъ одинъ человѣкъ, и дружно пойти на дерзкаго нарушителя нашей мирной, культурной жизни.—Но уже теперь, до осуществленія нашего славянофильскаго идеала, будемъ руководиться въ на-

шихъ отношеніяхъ къ нашимъ братьямъ—славянамъ тѣми началами, которыя выражены въ слѣдующихъ прекрасныхъ словахъ отца славянофиловъ:—Алексѣя Степановича Хомякова:

„Не гордись передъ Бѣлградомъ
„Прага, Чешскихъ странъ глава!
„Не гордись предъ Вышеградомъ
„Златоверхая Москва!
„Вспомнимъ, мы родные братья,
„Дѣти матери одной,
„Братьямъ братскія объятія,
„Къ груди грудь, рука съ рукой.
„На гордися силой длани
„Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ,
„Не скорби кто въ долгой брани
„Подъ грозой судьбины палъ!
„Испытанья время строго,
„Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь,
„Много милости у Бога
„Безъ границъ Его любовь!
„Пронесется мракъ ненастный,
„И ожиданный давно
„Возсіяетъ день прекрасный
„Братья станутъ за одно,
„Всѣ велики, всѣ свободны,
„На враговъ побѣдный строй,
„Полны мысли благородной
„Крѣпки вѣрою одной“!

С.П.Б. 18-го декабря,
1906 года.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00020904247